

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СССР В ФОКУСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

THE RURAL POPULATION OF THE USSR IN THE FOCUS OF HISTORICAL STUDIES

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.008
УДК 316.343.723 + 316.444.2 +
+ 323.325:621.83(09)

В. А. Ильных
Институт истории Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1930-е гг.

В статье осуществляется ретроспективный анализ лифтов и каналов социальной мобильности, функционировавших в рамках колхозной системы в СССР в 1930-е гг. Субъектом исследования является колхозное крестьянство и его пограничные социальные группы (механизаторы, административно-управленческий состав колхозов, работники МТС).

Сделан вывод, что в 1930-е гг. в советской деревне действовали различные и разнонаправленные каналы и лифты межгрупповой и внутригрупповой социальной мобильности. Наиболее масштабным каналом социального перемещения являлась коллективизация. Интенсивные социальные процессы происходили внутри колхозов, которые представляли собой своеобразный социальный лифт, имеющий внутрикорпоративный характер. В качестве механизмов подъема по внутриколхозному карьерному и профессиональному лифтам могли выступать: внешние лифты; институализированные государственные практики; «позитивные» поведенческие практики; «позитивная» социально-политическая история. В рамках колхозной системы функционировали каналы социально-профессиональной мобильности. Наиболее социально значимым из них являлся переход из работников, занятых конно-ручным трудом, в механизаторы.

Колхозная система была встроена в систему функционировавших в СССР социальных лифтов и каналов, но переход в них из колхозов был ограничен. Действовали административно-правовые, образовательные, профессиональные и половозрастные барьеры на пути социального перемещения колхозников. Шанс выйти за пределы колхозной системы давали молодежи получение образование и призыв в армию. Осуждение к лишению свободы являлось лифтом нисходящего перемещения колхозника из колхозной системы на дно советской социальной лестницы. В качестве механизмов социального спуска могли выступать: «негативные»

поведенческие практики; противоправные действия; «негативная» социально-политическая история.

Ключевые слова: социальная мобильность; каналы и лифты социальной мобильности; крестьянство; коллективизация; колхозы; машинно-тракторные станции; механизаторы

Цитирование: *Ильиных В. А.* Социальная мобильность колхозного крестьянства в 1930-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 114–128. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.008>

Поступила в редакцию: 15.07.2020

Принята к печати: 15.12.2020

Vladimir A. Il'inykh

Institute of History SB RAS

Novosibirsk, Russia

SOCIAL MOBILITY OF COLLECTIVE FARMERS IN THE 1930s

The author carries out a retrospective analysis of social mobility elevators and channels functioning within the collective farm system in the USSR in the 1930s. The subject of research is the collective farm peasantry and its border social groups (machine operators, administrative staff of collective farms, and machine and tractor station workers).

It is concluded that multidirectional channels and lifts of intergroup and intragroup social mobility operated in Soviet rural areas in the 1930s. The most widespread channel of social mobility was collectivisation. Intensive social processes took place inside collective farms, which resembled social elevators that had an internal corporate character. A professional career in collective farms could be used as a mechanism of mobility: external elevators, institutionalised state practices, “positive” behavioural practices, and “positive” socio-political record. Channels of social and professional mobility functioned within the collective farm system. The most socially significant of them was the transition of workers engaged in horse and manual labour to machine operators.

The collective farm system was integrated into the system of social elevators and channels operating in the USSR, but transition to them from collective farms was limited. Administrative, educational, professional, gender, and age barriers were in place for the social mobility of collective farmers. Chance to go beyond collective farms was given to young people receiving education and conscription. Being sentenced to prison meant the collective farmer's descent to the bottom of the Soviet social ladder. The mechanisms of social descent could be: “negative” behavioural practices, illegal actions, and “negative” socio-political record.

Key words: social mobility; channels and lifts of social mobility; peasantry; collectivisation; collective farm; machine and tractor stations; mechanics

For citation: Il'inykh, V. A. (2021). Sotsial'naiа mobil'nost' kolkhoznogo krest'ianstva v 1930-e gg. [Social Mobility of Collective Farmers in the 1930s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 114–128. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.008>

Submitted: 15.07.2020

Accepted: 15.12.2020

В 1930-е гг. в российской деревне произошел беспрецедентный по масштабам структурный сдвиг. Социальный статус сменили миллионы сельских жителей. Лифты и каналы социальной мобильности функционировали с головокружительной скоростью.

Методологию, позволяющую реконструировать динамику социальных процессов, разработал П. А. Сорокин. Однако понятийно-категориальный аппарат его теории социальной мобильности длительное время не был востребован российскими и зарубежными исследователями истории коллективизации. Несмотря на то, что в советской социологии термин *социальная мобильность* использовался, применительно к периоду 1930-х гг. он был фактически табуирован [Шишкин, Савин, с. 91]. Советские историки-аграрники изучали главным образом динамику численности и состав колхозного крестьянства. При этом вектор социальной динамики однозначно трактовался ими как восходящий [см.: Вылцан; Гуцин, Кошелева, Чарушин; и др.].

Западные исследователи также длительное время игнорировали проблематику социальной динамики в СССР. Доминирующая в советологии тоталитаристская концепция практически не оставляла места для ее изучения. Теорию социальной мобильности при анализе советской деревни стали применять представители так называемой ревизионистской школы зарубежной историографии СССР [Шишкин, Савин, с. 91]. Наиболее существенный вклад в анализ функционирования лифтов социальной мобильности колхозной деревни внесли С. Мерль [Merl] и Ш. Фицпатрик [Fitzpatrick].

Постсоветская отечественная историография восприняла методологические достижения западной социологии. Российские исследователи широко применяют понятийно-категориальный аппарат теории социальной мобильности. При этом историки, обращающиеся к истории деревни в 1930-е гг., основное внимание уделяют лифтам и каналам, ведущим к снижению социального статуса: раскулачиванию, депортациям, репрессиям. Лифты, обеспечивающие восхождение по социальной лестнице, как правило, остаются за рамками исследовательского интереса. Отсутствует институциональный анализ социальной мобильности.

Частично восполнить пробелы историографии советской деревни периода 1930-х гг. призвана настоящая работа. Объектом исследования является колхозная система; субъектом — колхозное крестьянство и его пограничные социальные группы (механизаторы, административно-управленческий состав колхозов, работники МТС). Предмет анализа — лифты и каналы внутридеревенской социальной мобильности. За пределы предметной области выносятся

миграционное движение, в том числе сельско-городская миграция, добровольное сельскохозяйственное переселение, депортации. Каждый из перечисленных каналов перемещения в силу специфики требует специального анализа.

Предлагаемое конкретно-историческое исследование базируется на ряде понятий: вертикальная мобильность — изменение места в социальной структуре, социального статуса; горизонтальная мобильность — переход из одной позиции в другую без изменения социального статуса; лифт — механизм / институт вертикальной мобильности; канал — механизм / институт горизонтальной мобильности.

В 1930 г. в СССР началась форсированная коллективизация, которая являлась базовой составляющей социалистической реконструкции (модернизации) деревни. Основная экономическая задача аграрной революции «сверху» заключалась в замене мелкотоварного крестьянского хозяйства крупными социалистическими сельхозпредприятиями, которые, по мнению марксистских теоретиков, позволяли широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения и за счет этого резко повысить его производительность.

В ходе коллективизации решалась не менее значимая социальная задача — ликвидация крестьянства как класса мелких собственников. Его большая часть в предельно короткие сроки подлежала трансформации в новый социалистический класс — колхозное крестьянство. Крестьянские хозяйства, официально относимые к кулакам, надлежало экспроприировать и выселить в необжитые места.

Принципиальное значение для развертывания коллективизации имело кардинальное изменение официальных статусных характеристик крестьянства и его отдельных слоев. Колхозники, которые в условиях нэпа являлись с точки зрения марксистской теории перспективной, но фактически периферийной группой, заняли вторую после рабочего класса позицию в советской социально-классовой иерархии. Оставшиеся единоличниками крестьяне — середняки и бедняки — потеряли статус союзников пролетариата и стали рассматриваться как в целом враждебная strata.

Коллективизация прошла несколько последовательных этапов (1930, 1931–1933, 1934–1937, 1938–1940), которые имели в целом сходную динамику: за бурным ростом уровня коллективизации следовал спад, а затем — новый подъем [см.: История советского крестьянства, т. 2; т. 3]. Базовым катализатором, а также ингибитором темпов коллективизации являлась аграрная политика государства, которая могла изменяться под воздействием разнообразных экономических, гео- и внутривластных факторов и их трактовки лидерами большевистского режима.

Несмотря на взлеты и падения колхозного строительства, поставленные лидерами большевистского режима перед началом коллективизации социальные задачи были решены в относительно сжатые сроки. К концу 1930-х гг. единоличное крестьянство было фактически ликвидировано. Доля единоличников в составе сельского населения СССР в 1939 г. составляла 2,5 %. Наиболее

многочисленной группой сельского социума стало колхозное крестьянство, в которое входило 64 % населения деревни. Следует отметить, что рост численности колхозников происходил на фоне увеличения удельного веса рабочих и служащих в составе сельского населения. В 1926 г. доля рабочих и служащих среди жителей деревни составляла 6,3 %, в 1939 г. — 30,1 %¹ [Всесоюзная перепись... 1939 года, с. 95; Всесоюзная перепись... 1926 года, с. 2–3].

Организационно-производственной основой новой модели аграрного строя являлись колхозы. С одной стороны, они находились под жестким технологическим и административным диктатом государства, а с другой — функционировали на принципах самоокупаемости, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена. Сложные сельхозмашины находились в машинно-тракторных станциях (МТС), которые на возмездной основе занимались производственно-техническим обслуживанием колхозов, а также контролировали производство, учет труда, распределение дохода. В 1933–1934 гг. при МТС действовали чрезвычайные партийно-государственные органы управления — политотделы.

Преобладающая часть членов колхозов были бывшими единоличниками. Колхозники не только имели крестьянское происхождение, но и не отличались от своих предшественников по месту в общественном производстве. Они так же, как единоличники-крестьяне, были заняты преимущественно конно-ручным сельскохозяйственным трудом. Члены колхозов в 1930-е гг. еще не потеряли социокультурные черты, свойственные крестьянам. Личное приусадебное хозяйство, которое являлось своеобразным рудиментом крестьянского хозяйства, оставалось основным источником существования колхозников. Общинные традиции в их среде сохранялись и после юридической ликвидации общины. Традиционная крестьянская культура не была вытеснена из поведения и сознания значительной части сельских жителей, а продолжала существовать «в подполье». Превратившийся в колхозника сельский житель, даже утрачивая экономические черты, свойственные его классу, по своему менталитету оставался крестьянином [см.: Ильиных].

Вышеизложенное позволяет определять коллективизацию в первую очередь как канал горизонтальной мобильности. Однако несомненным является и то, что вступление в колхоз имело черты социального лифта, поскольку приводило к изменению социального статуса бывшего единоличника. В связи с этим возникает вопрос о квалификации данного лифта как восходящего или нисходящего. Для теоретиков и практиков большевистского режима, а также для советских историков ответ на него был однозначен. Более того, с точки зрения властей, вступление в колхоз рассматривалось как привилегия для трудящихся крестьян. Жестким социальным фильтром на входе в колхоз являлся запрет на принятие в него крестьян, отнесенных к категории кулаков.

¹ В число рабочих и служащих в 1939 г. также включены работники МТС и совхозов.

В то же время конкретно-исторический материал показывает, что значительная часть крестьян, относимых к категории середняков и даже бедняков, вступала в колхозы под давлением властей и воспринимала свой новый статус как более низкий. Количественное соотношение добровольности и принудительности коллективизации можно определить лишь для первого этапа массовой коллективизации. В начале марта 1930 г. в колхозах числилось 56 % крестьянских хозяйств СССР. К лету 1930 г. после публикации известной статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» 57 % дворов, записавшихся в колхозы, их покинула и вернулась к ведению собственного крестьянского хозяйства. В итоге в начале 1930 г. лишь для 43 % колхозных дворов (24 % от общего числа крестьянских хозяйств) перемещение в страту колхозников имело добровольный характер и воспринималось как повышение статуса [История советского крестьянства, т. 2, с. 155; Колхозы..., с. 1].

На протяжении последующих лет увеличение темпов колхозного строительства совпадало с усилением политического и экономического давления государства на единоличников, часть которых была вынуждена вступить в колхоз. В то же время нельзя отрицать, что не только в 1930 г. в деревне были крестьяне, добровольно входившие в колхозы. Роль стимулов для вступления в колхоз могли играть предоставляемые их членам льготы: более низкое налогообложение, право на больший приусадебный участок и покос на колхозных лугах и др. В связи с этим фиксировались случаи, когда крестьяне протестовали в случае отказа от их принятия в колхоз [Фицпатрик, с. 132].

Единоличная молодежь, в отличие от крестьян более старших возрастов, могла воспринимать свое маргинальное положение как ущербное. Подобная коллизия приводится в воспоминаниях жительницы пос. Александровка Завьяловского района Алтайского края М. В. Сапуновой: «Наш отец не очень хотел в колхоз вступать: “Это грех, это грешно, это душу продашь” <...> А вот брат был — Леша, он говорил отцу: “Все вступили, а вы не хотите, нам даже совестно”» [Ильиных, Ноздрин, с. 240].

Естественно, что для большинства единоличников из тех, которые мигрировали в город или перешли в иные страты сельского социума, переход на положение колхозника был неприемлем. Колхозники же, добровольно вступившие в колхоз, могли затем сменить свое восприятие колхозной жизни с позитивного на негативное.

Разочаровавшиеся в колхозной жизни крестьяне стремились покинуть деревню и переехать в город. К принятию подробного решения их подталкивал низкий уровень оплаты труда, являвшийся следствием сверхнормативного обложения колхозов. В неурожайные годы средств на оплату труда своих членов у колхозов вообще не оставалось. Начинался голод, который вел к нарастанию миграционных настроений. Чтобы не допустить сокращения трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, в декабре 1932 г. в СССР была введена паспортная система, которая выполняла роль регулируемого государством барьера (шлюза), ограничивающего движение жителей деревни по каналу сельско-городской

миграции. Многие колхозники в итоге воспринимали коллективизацию как второе издание крепостного права.

Следует отметить, что паспортная система была жестким, но не абсолютным барьером социальных перемещений колхозников. Существовали легальные (получение образования, призыв в армию, организованный набор на «великие стройки первых пятилеток») и нелегальные (несанкционированное бегство) пути его преодоления.

Одним из методов борьбы с нарушениями производственной дисциплины со стороны колхозников было исключение из колхозов. С точки зрения властей оно являлось наказанием и понижало социальный статус бывшего колхозника. Нисходящая направленность произошедшего в данном случае социального перемещения определялась ухудшением материального положения исключенного. Им не только не возвращали ранее обобществленные средства производства, но и могли лишить приусадебного участка. В результате новоиспеченный единоличник превращался в паупера, дальнейшая судьба которого зависела от его адаптационного потенциала.

Интенсивные социальные перемещения происходили внутри колхозов. Количественные параметры колхозного строительства определялись темпами коллективизации, а также политикой государства по оптимизации размеров колхозов. На 1 октября 1929 г. в СССР насчитывалось более 67 тыс. колхозов, на 1 июля 1930 г. — 86 тыс., на 1 ноября 1931 г. — 232 тыс., на 1 июля 1935 г. — 245 тыс., на 1 июля 1938 г. — 242 тыс. [История советского крестьянства, т. 2, с. 126, 188; Колхозы..., с. 1].

Внутренняя организационно-производственная и профессиональная структура колхозов имела иерархичный социальный характер. Руководили колхозами председатели. Формально они избирались, фактически назначались районными властями (внешнее выдвиженчество). В помощь председателю избиралось правление колхоза (от 5 до 9 чел.). Правление назначало бригадиров и заведующих животноводческими фермами. Бухгалтерию артели вел счетовод.

Число специалистов (агрономов, агротехников, зоотехников, ветработников и др.) в колхозах было незначительным. Почти все они были практиками. Основная масса специалистов, обслуживающих колхозы, состояла в штатах МТС и земельных органов². Относительно высокий статус в колхозе имели завхозы и учетчики. Учетчики являлись помощниками бригадира и занимались учетом количественных параметров, выполненных колхозниками сельхозработ (площади пахоты, сева, прополки, косьбы и др.) и их переводом в трудодни.

Особую группу в колхозах составляли механизаторы (трактористы, машинисты и комбайнеры). Они являлись членами колхозов, но работали на технике и по заданиям МТС. В связи с этим механизаторы отличались от остальных

² Земельные органы — принятое в СССР до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

колхозников уровнем и системой оплаты труда³. Абсолютное большинство колхозников занимались конно-ручным трудом непосредственно в сельскохозяйственном производстве (растениеводстве и животноводстве). Кроме того, некоторые колхозники были заняты в иных сферах производства или обслуживании сельского хозяйства: ремонте и производстве сельхозинвентаря, строительстве, на подсобных предприятиях и др.

Смена служебного и профессионального положения колхозника сопровождалась изменением его статуса. В связи с этим колхоз представлял из себя своеобразный социальный лифт, имеющий внутрикорпоративный характер. Возможность карьерного роста от неквалифицированного колхозника до механизатора, специалиста, бригадира и председателя была достаточно высока.

В качестве механизмов подъема по внутриколхозному карьерному и профессиональному лифтам могли выступать: внешние лифты (членство в ВКП(б), комсомоле, общественных организациях, демобилизация из армии, получение образования); институализированные государственные практики (выдвиженчество, кадровый и профессиональный отбор); позитивные с точки зрения властей поведенческие практики (ударничество, активное участие в общественно-политических и хозяйственно-политических кампаниях); «позитивная» социально-политическая история (принадлежность к батрачеству и бедноте, участие в партизанском движении); неформальные практики (родственные и клановые связи). Указанные механизмы социального перемещения вверх могли сочетаться друг с другом.

Интенсивность внутрикорпоративной социальной мобильности отдельных групп колхозников была различной и возрастала на более высоких ступенях служебной иерархии. По времени нахождения на должности к наиболее нестабильной и часто сменяемой категории колхозных кадров относились председатели. Поводом для отстранения могло быть невыполнение колхозом посевных и заготовительных заданий, «саботаж комбайнизации» (отказ от дорогих и некачественных услуг МТС), «зеленые настроения» (отказ начинать уборку незрелого хлеба), «мокрые настроения» (отказ от уборки в дождливую погоду), «хищение социалистической собственности», «моральное разложение» и др. Глава колхоза мог не иметь необходимого организационного опыта и поэтому не обеспечить выполнение государственных планов. Однако основной причиной являлась завышенность плановых заданий и отсутствие у колхоза трудовых и иных ресурсов для их выполнения. Достаточно интенсивной была сменяемость колхозных бригадиров, заведующих ферм и других колхозных руководителей среднего и низшего звена. Отстраненные от должности представители административно-управленческого аппарата могли быть исключены из колхоза, осуждены к лишению свободы, переведены в рядовые колхозники.

³ В 1936 г. комбайнеров и машинистов молотилок перевели в штаты МТС, и они с формально-правовой стороны превратились в рабочих. С конца 1930-х гг. денежную оплату труда трактористов-колхозников стало гарантировать государство [Гущин, Кошелева, Чарушин, с. 76].

Кадровая «чехарда» существенно возрастала во время «чисток» колхозов. Во второй половине 1931 — начале 1932 г. смещение районным начальством председателей и бригадиров в хозяйствах, не выполняющих заготовительных и посевных заданий, приобрело настолько широкие масштабы, что грозило дезорганизовать производственную деятельность колхозного сектора сельской экономики. В связи с этим 10 мая 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об укреплении руководящих колхозных кадров», которое запрещало «каким бы то ни было районным органам» снимать членов правления без утверждения краевых / областных земельных управлений и колхозсоюзов. Снятие бригадиров должно было утверждаться райземотделом и райколхозсоюзом. В постановлении также указывалось на то, что члены правления должны избираться, а бригадиры назначаться на срок не менее одного года [Коллективизация..., с. 415].

Однако менее чем через год тотальную «чистку» колхозов инициировало руководство большевистской партии. Ее проведение было возложено на созданные в начале 1933 г. политотделы МТС. Колхозы «очищались» от «классово-враждебных элементов». К таковым в целом по стране были причислены 14,2 % председателей колхозов и 8,6 % бригадиров. Еще большее число колхозных руководителей отстранили от должности, «как не оправдавших себя на работе по деловым качествам»: 35,8 % председателей и 22,6 % бригадиров. Таким образом, менее чем за год работы политотделы заменили половину председательского корпуса и более трети бригадирского.

Политотделы МТС Северного Кавказа сменили 47,9 % председателей, 38,9 % бригадиров, 33,2 % заведующих фермами, 24,2 % «других членов правления». Политотделы Шипуновской, Славянской, Иконниковской, Славгородской МТС Западно-Сибирского края за 1933 г. сменили председателей почти во всех колхозах, а в некоторых — по 2–3 раза. Значительных масштабов достигла чистка счетных работников и вспомогательного административно-управленческого аппарата. Были сняты с работы 25 % счетоводов, 47,3 % завхозов, 34,4 % кладовщиков. На место репрессированных и уволенных выдвигались «многие тысячи новых людей из коммунистов, комсомольцев и лучших преданных колхозному делу беспартийных активистов» [Материалы..., с. 40, 43, 44, 51; Шевляков, с. 81].

Относительная либерализация политики государства в отношении колхозов в 1934–1936 гг. привела к стабилизации кадрового состава колхозных функционеров. В 1937–1938 гг. интенсивность смены руководящих кадров колхозов вновь возросла. Если в 1934 г. только 30 % председателей занимали эту должность менее года, то в 1937 г. — 46 %, а в 1938 г. — 54 %. В 1937 г. стаж работы до года имели 44 % заведующих колхозными фермами, 40 % бригадиров полеводческих бригад [Фицпатрик, с. 223; Колхозы..., с. 60, 65, 75].

Следует отметить гендерный аспект внутриколхозного кадрового лифта. Абсолютное большинство колхозных руководителей были мужчинами. Несмотря на официально провозглашенный лозунг выдвижения на руководящие должности женщин-колхозниц, их доля в составе административно-управленческих кадров хотя и имела тенденцию к росту, но оставалась незначительной. В конце

1937 г. удельный вес женщин среди председателей колхозов составлял 2,6 %, заместителей председателей — 4,4 %, бригадиров полеводческих бригад — 4,2 %, заведующих фермами — 18,3 % [Колхозы..., с. 60, 62, 65, 75].

В рамках колхозной системы помимо карьерных функционировали лифты социально-профессиональной мобильности. Наиболее социально значимым из них являлся переход из работников, занятых конно-ручным трудом, в механизаторы. Число механизаторов, входящих в штаты колхозов, выросло фактически с нуля в 1929 г. до 2,4 млн в 1940 г., а удельный вес к числу трудоспособных колхозников — до 7,3 % [История советского крестьянства, т. 3, с. 105]. Механизатор должен был пройти обучение на курсах при МТС или в специальных государственных школах механизаторов. Направлению на курсы и в школы предшествовал отбор, в котором участвовали руководящие работники и специалисты МТС, председатели колхозов. Предпочтение отдавалось членам ВЛКСМ, молодежи и лицам средней возрастной категории. Дополнительным «бонусом» являлась склонность к работе с металлом, техникой, образование. Поскольку механизаторы получали более высокую оплату труда, то для прохождения в данную категорию могли использоваться неформальные связи.

Колхозы и МТС были связаны с другими функционировавшими в стране лифтами и каналами социальной мобильности. Однако возможности перемещения за пределы колхозной системы были ограничены и с разной степенью жесткости контролировались властями. Добившийся в глазах партийного начальства успеха на своей должности председатель колхоза, который являлся членом партии, мог перейти на работу в райком ВКП(б). Но происходило подобное достаточно редко в силу крайне низкого образовательного уровня абсолютного большинства руководителей хозяйств. Данное обстоятельство также создавало препятствие для перехода в земельные органы и систему МТС. Более вероятным поступательным развитием карьеры председателя колхоза являлось его назначение (выборы) на должность председателя сельсовета.

Наиболее массовым внешним по отношению к колхозам социальным лифтом являлись советы. Среди членов сельсоветов колхозники составляли в начале 1930-х гг. значительную часть, а во второй половине десятилетия — абсолютное большинство. Руководитель передового колхоза, бригадир, звеньевой или рядовой колхозник-ударник могли быть избраны на районные, областные / краевые, республиканские съезды советов, в исполкомы различного уровня и даже в ЦИК СССР / Верховный Совет. Для передовиков производства и ударников существовал еще один парадный, но достаточно ограниченный по вместимости и имеющий разовый характер лифт: съезды (слеты) колхозников-ударников⁴.

Шанс выхода за пределы колхозной системы давал молодежи переход в социальные лифты образования и армии, при этом в армию призывались только юноши. Отметим, что перемещение в вышеупомянутые лифты являлось одной из причин

⁴ В 1930-е гг. состоялось всего два всесоюзных съезда колхозников-ударников: в феврале 1933 г. и феврале 1935 г.

высокой текучести кадров колхозных учетчиков. На эту должность, как правило, назначали молодых колхозников (фактически подростков), которые успешно закончили обучение в начальной или семилетней школе. Однако, проработав несколько лет, юноши либо призывались в армию, либо поступали в учебные заведения, после чего в колхоз не возвращались.

Перемещение колхозников в иные страты происходило и по каналам социально-профессиональной мобильности. Часть механизаторов покидали колхозы и переходили работать на предприятия других отраслей народного хозяйства, в том числе расположенные в сельской местности. Причиной текучести механизаторских кадров являлись относительно низкий уровень заработной платы и плохие условия труда. Барьером оттоку квалифицированных кадров из МТС стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1940 г., который запрещал самовольный уход из МТС трактористов и комбайнеров [Советская Сибирь].

Колхозное руководство, как и рядовые члены колхозов, постоянно ходили под дамокловым мечом репрессий. Осуждение за инкриминированные преступления ординарными или экстраординарными судебными органами к лишению свободы являлось лифтом нисходящего перемещения колхозника из колхозной системы на дно советской социальной лестницы. В качестве механизмов социального спуска могли выступать: «негативные» поведенческие практики (девиантное поведение: пьянство, хулиганство и др.), «негативный» гражданский активизм (критика властей, антигосударственная пропаганда и призывы к сопротивлению), «саботаж» (сознательный и неосознанный), противоправные действия (хищения), отказ от выполнения государственных обязательств, «негативная» социально-политическая история (принадлежность к кулакам, участие в анти-советском повстанческом движении и др.).

В 1930 г. происходил интенсивный переход в колхозы лиц из других социальных лифтов. Во вновь созданные хозяйства, преимущественно крупные, направлялись кандидаты на занятие руководящих должностей и специалисты. Механизмами их рекрутирования являлись целевое направление и набор по разнарядке. Наиболее известной кампанией по набору колхозных кадров являлась осуществленная по решению ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) посылка в деревню рабочих-двадцатипяти тысячников. Около 70 % из них были членами большевистской партии, около 10 % — комсомольцами. Беспартийные двадцатипяти тысячники были профсоюзными активистами. На Северном Кавказе в 1930 г. 40 % председателей составляли двадцатипяти тысячники. 44 % присланных в Западную Сибирь двадцатипяти тысячников работали председателями и заместителями председателей колхозов, 22 % стали членами правлений колхозов, 15 % руководили колхозными партиейками, остальные были инструкторами и членами правлений районных коопсоюзов, занимались руководящей работой на маслозаводах и молочных фермах, в МТС и на других сельхозпредприятиях [Историческая энциклопедия..., с. 462; Фицпатрик, с. 210]. Образ двадцатипяти тысячника, ставшего председателем колхоза, воссоздан в романе М. Шолохова «Поднятая целина».

Однако уже к 1932 г., большинство пришедших в колхозы со стороны специалистов и руководящих работников их покинули. Часть из них были переведены на работу в районные структуры партийного и хозяйственного управления. Многие вернулись на прежнее место жительства. К середине 1930-х гг. воспроизводство колхозной элиты приняло закрытый внутрикорпоративный характер.

Составной частью колхозной системы являлись МТС. Первая машинно-тракторная станция была организована в 1928 г. В 1930 г. в СССР функционировало 158, в 1933 г. — 2 916, в 1937 г. — 5 818, в 1940 г. — 7 069 станций. Постоянно росла численность работников МТС. При этом их ряды пополнялись в основном за счет колхозников. В 1933 г. в штатах МТС состояло 309 тыс., в 1937 г. — 718 тыс. работников [История советского крестьянства, т. 2, с. 297; т. 3, с. 59; МТС во второй пятилетке, с. 90].

МТС являлись более мобильной и открытой социальной системой, нежели колхозы. Они были тесно связаны с последними. Как указывалось выше, механизаторы являлись колхозниками, но работали на технике МТС и непосредственно подчинялись их должностным лицам. Кроме находящихся вне штата механизаторов, непосредственно в МТС трудилось значительное число рабочих, занятых обслуживанием и ремонтом техники. Они представляли собой пограничную с колхозным крестьянством страту. В первую очередь их сближала занятость в сфере сельского хозяйства. Принципиальное значение имело то, что рабочие МТС проживали в одних деревнях с колхозниками, что создавало чувство принадлежности к единой сельской общности.

МТС осуществляли интенсивный и постоянный обмен с действующими в деревне социальными лифтами. Рабочие МТС имели больше шансов, чем колхозники, вступить в партию и после этого начать служебную карьеру. Большинство работников МТС должны были иметь специальное образование или закончить курсы подготовки. Руководящие кадры станций могли рекрутироваться из партийных работников, специалистов земельных органов и в свою очередь перемещаться в данные структуры. На начальном этапе функционирования МТС в формировании их кадрового потенциала приняли участие промышленные предприятия, направлявшие на постоянную и временную работу в них рабочих и специалистов. В МТС охотно набирали демобилизованных из армии крестьян, которые получали там необходимые профессиональные навыки. Образ демобилизованного из РККА танкиста, ставшего бригадиром тракторной бригады МТС воссоздан в фильме И. Пырьева «Трактористы».

МТС так же, как и колхозы, периодически становились объектами чисток. Особенно интенсивную перетряску их кадров учинили политотделы МТС в 1933 г. Менее чем за год ими были вычищены и сняты 45,6 % заведующих производственными участками, 36,8 % работников бухгалтерии, 33,5 % механиков, 30,6 % агрономов, 27,1 % бригадиров тракторных бригад, 13,2 % трактористов. На место «вычищенных» политотделы выдвигали новые кадры. Так, в Донской МТС Северо-Кавказского края из 7 «выдвинутых» трактористов 4 заняли должности участковых механиков и 3 — бригадиров тракторных

бригад, в Красноярской МТС Средне-Волжского края слесарь стал заведующим машинно-тракторной мастерской, в Нехворощанской МТС Харьковской области агротехника-колхозника назначили агрономом МТС [Материалы..., с. 6, 9, 18].

Межкорпоративные социальные связи колхозов с совхозами, в отличие от МТС, были минимальными. Преобладающим источником формирования кадров постоянных рабочих совхозов являлись единоличники, бывших колхозников среди рабочих совхозов было меньше. Районное партийное и советское руководство негативно относилось к их оттоку в государственный сектор аграрной экономики, поскольку это могло отрицательно сказаться на производственных результатах колхозов. За итоги работы совхозов, которые подчинялись напрямую региональным совхозным трестам, районные власти не отвечали. Отметим также и то, что совхозные поселки, как правило, строились вне существующих населенных пунктов.

Таким образом, в 1930-е гг. интенсивность социальных процессов в советской деревне многократно возросла. Наиболее масштабные перемещения происходили в рамках колхозов, которые являлись базовым лифтом мобильности сельского социума. Определяющее значение для формирования и функционирования колхозной системы имели сдвиги, организованные властями. Инициативная мобильность ограничивалась социальными, правовыми, гендерными, возрастными, профессиональными и социально-ролевыми барьерами.

Источники

- Всесоюзная перепись населения 1926 года: Основные итоги. М. : ЦСУ, 1930.
Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. : Наука, 1992.
Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
Колхозы во второй Сталинской пятилетке : стат. сборник. М. ; Л. : Госпланиздат, 1939.
Материалы о работе политотделов МТС за 1933 г. М. : [б. и.], 1934.
МТС во второй пятилетке : стат. сборник. М. ; Л. : Госпланиздат, 1939.
Советская Сибирь [Новосибирск]. 1940. 19 июля.

Исследования

- Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.). М. : Наука, 1978.
Гущин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975.
Ильиных В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.
Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск : Экор, 1995.
Историческая энциклопедия Сибири. Т. I / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009.
История советского крестьянства. Т. 2 : Советское крестьянство в период социалистической реконструкции сельского хозяйства. Конец 1927 — 1937 / отв. ред. И. Е. Зеленин. М. : Наука, 1986; Т. 3 : Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938 — 1945 / отв. ред. М. А. Вылцан. М. : Наука, 1987.

Фицпатрик III. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2008.

Шевляков А. С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск : Том. гос. ун-т, 2000.

Шушкин В. И., Савин А. И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 89–93.

Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York : Oxford Univ. Press, 1994.

Merl S. Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre. Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute. Berlin : Duncker & Humblot, 1990.

References

Fitzpatrick, Sh. (1994). Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York Oxford: Oxford University Press.

Fitzpatrick, Sh. (2008). *Stalinskie krest'iane. Sotsial'naiia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia* [Stalin's Peasants: Social History of Soviet Russia in the 1930s: Village]. Moscow: ROSSPEN.

Gushchin, N. Ya., Kosheleva, E. V., & Charushin, V. G. (1975). *Krest'ianstvo Zapadnoi Sibiri v dovoennnye gody (1935–1941)* [Peasantry of Western Siberia in the Pre-War Period (1935–1941)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.

Il'nykh, V. A. (2012). *Raskrest'ianivanie sibirskoi derevni v sovetskii period: osnovnye tendentsii i etapy* [The Depeasantisation of the Siberian Village in the Soviet Period: Main Trends and Stages]. *Rossiiskaya istoriia*, 1, 130–141.

Il'nykh, V. A., & Nozdrin, G. A. (1995). *Ocherki istorii sibirskoi derevni* [Essays on the History of the Siberian Village]. Novosibirsk: Ekor.

Lamin, V. A. (Ed.). (2009). *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri* [Historical Encyclopaedia of Siberia] (Vol. I). Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.

Merl, S. (1990). *Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre. Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute*. Berlin: Duncker & Humblot.

Shevlyakov, A. S. (2000). *Politotdely MTS i sovkhovov: chrezvychajnye partijno-gosudarstvennye organy upravleniia v sel'skom khoziajstve Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [Political Departments of MTS and State Farms: Emergency Party-State Management Bodies in the Agriculture of Western Siberia in the 1930s]. Tomsk: Tomsk State University.

Shishkin, V. I., & Savin, A. I. (2014). *Sotsial'naiia mobil'nost' v Rossii v epokhu vojn, revoliutsii i radikal'nykh transformatsii pervoi poloviny XX v.: osnovnye napravleniia i rezul'taty izucheniia* [Social Mobility in Russia during the Wars, Revolutions, and Radical Transformations of the First Half of the 20th Century: Discourses and Research Results]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 4, 89–93.

Vylcan, M. A. (1978). *Zavershaiushchii etap sozdaniia kolhoznoho stroia (1935–1937 gg.)* [The Final Stage of the Creation of the Collective Farm System (1935–1937)]. Moscow: Nauka.

Vylcan, M. A. (Ed.). (1987). *Istoriia sovetskogo krest'ianstva. T. 3: Krest'ianstvo nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1938–1945* [History of the Soviet Peasantry. Vol. 3: The Peasantry before and during the Great Patriotic War, 1938–1945]. Moscow: Nauka.

Zelenin, I. E. (Ed.). (1986). *Istoriia sovetskogo krest'ianstva. T. 2: Sovetskoe krest'ianstvo v period sotsialisticheskoi rekonstruktsii sel'skogo khoziajstva. Konets 1927 — 1937* [History of the Soviet Peasantry. Vol. 2: Soviet Peasantry during the Socialist Reconstruction of Agriculture. End of 1927 — 1937]. Moscow: Nauka.

Ильиных Владимир Андреевич

доктор исторических наук, заведующий
сектором аграрной истории
Институт истории
Сибирского отделения РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: agro_iwa@mail.ru

Il'inykh, Vladimir Andreevich

Dr. Hab. (History), Head of the Department
of Agricultural History
Institute of History SB RAS
8, Nikolaev Ave., 630090 Novosibirsk, Russia
Email: agro_iwa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6361-1234>
ResearcherID: AAC-8106-2020
Scopus AuthorID: 55508487000